

Nar-In
**Предания
Тёмного края**

18+

Nar-In Nar-In

Предания Тёмного края

<https://litres.ru/74634654>

SelfPub; 2026

Аннотация

За высокими горами, за темными лесами да за глубокими реками есть край, где старые поверья, мифы и легенды оживают.

«Предания Тёмного края» — сборник мрачных славянских историй о людях, которые сталкиваются с тем, что старше церквей, княжеств и законов мирских. Здесь любовь может стать формой проклятия, урожай — расплатой за старую жертву, а возвращение любимого из мёртвых — не сказочным везением.

Тёмный край не прощает нарушенных правил.

Содержание

Там топят костями	4
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Nar-In

Предания Тёмного края

Там топят костями

жанры рассказа: фолк-хоррор, фэнтези, мистика.

В те годы, когда железные дороги уже протянулись через леса и болота, стояла на краю одного лесного края слобода, прозывавшаяся Гутово, и был при ней завод, который давал столько железа, сколько иные заводы не давали, имея вдвое больше угля, работников и всякого припасу.

О заводе том ходили разные речи, да только в дальних местах о нём говорили охотнее, чем в самой слободе, потому что чужому человеку всякое чудо в диковинку, а своему не до чудес, когда с утра до ночи надо кормить семью, платить за крышу над головой да думать, как бы до следующей смены дотянуть. И ежели приезжий вопрошал: " Отчего над Гутовом даже в самую глухую ночь стоит красное зарево? ". Ему отвечали, что плавки идут.

Станция звалась Гутово-Товарная. Поезд стоял здесь ровно четыре минуты. Приезжему, не знавшему местных порядков, оставалось лишь выйти на отсыревший деревянный перрон да стоять под косым светом единственного фонаря, пока

состав не уйдёт дальше.

Царила тьма столь непроглядная, что ни города, ни завода не угадывалось. Только над лесом, низко, будто полосой не погасшей зари, с трудом углядывалось красное пятно, да по краю его медленно полз дым.

Проводник прошёл еще раз по вагонам с фонарём, стуча в двери купе и выкрикивая:

— Гутово-Товарная! — кричал он. — Стоянка короткая, господа! Кто выходит — не задерживаемся.

— Удивительно, что вообще здесь кто-то-то выходит, глухومانь же. — бормотал под нос дед, оторвавшийся даже от газеты.

И всё-таки кто-то да сошёл — Ян Грушка — сошёл последним, держа в одной руке дорожный саквояж, а другой придерживая полы пальто, и ещё долго смотрел вслед поезду, пока тот не скрылся за чёрным лесом, оставив после себя только сизый дым, да глухой перестук колёс, который постепенно сделался тише, что в какой-то момент его уже можно было принять за стук собственного сердца.

На платформе было ещё двое: один, в полушубке, нёс за плечами мешок и стоял в стороне от света; другой, в шинели с бляхой на груди, смотрел на Яна с таким видом, словно именно его и ждал. Из станционного домика вышел ещё один человек — невысокий, сутулый, в старой шинели, застёгнутой не по погоде.

Платформа оказалась дощатой, во всю длину пропитан-

ной водой, и под ногами доски пружинили, как мокрая губка. Горел один фонарь на кривом столбе, и в кругу его света стоял человек в шинели с бляхой на груди и другой, в полушубке, с мешком за плечами. Пахло горелым маслом и мокрым шлаком. Под этой гарью, если вдохнуть глубже, лежало ещё что-то — сладковатое, тянущее, как в мясной лавке к вечеру.

Ян поставил саквояж на землю и достал из кармана маленький блокнот. Пока поезд уходил за лес, он сделал несколько коротких записей, больше по привычке, чем по необходимости: время прибытия, состояние станции, количество путей, освещение.

Не выбежал запыхавшийся посыльный, не показался служащий с фонарём, не возникло даже любопытного лица из дверей станционного здания. Телеграмму он отправил из столицы заранее, указал фамилию, должность и время прибытия. По идее, здесь должны были знать о его приезде. Надежда была на ту парочку на платформе, но и они к нему не подошли.

Грушка оглядел перрон, потом глянул на наручные часы. Он не почувствовал ни обиды, ни удивления: только лёгкое раздражение, которое быстро сменилось равнодушием.

"Значит, меня не встречают. "

Впрочем, Ян и не ждал особой встречи, поскольку письмо от Общества было коротким и ясным: прибыть в Гутто-Товарную, осмотреть завод, проверить расход топлива и

выяснить, каким образом предприятие, получая последние недели едва ли не вдвое меньше положенного угля и кокса, продолжает давать прежнюю плавку.

Под фонарём отсыревшие доски блестели, словно покрытые тонким слоем масла. В стороне тянулась грузовая ветка, уходившая за пакгауз к заводским путям. Там стояли составы, несколько вагонов были отставлены на боковой путь, а дальше, в темноте, угадывались прямоугольные силуэты грузовых платформ.

Грушка направился туда.

Пахло горелым маслом и мокрым шлаком. Под этой гарью, если вдохнуть поглубже, лежало ещё что-то сладковатое и тягучее, как в мясной лавке к вечеру. Из-за леса доносился ровный низкий гул. Завод работал. В этом не было сомнений: даже отсюда чувствовалась дрожь, передававшаяся через землю, а над чёрной кромкой деревьев неподвижно висело красное зарево.

Ян достал блокнот и сверил записанные номера с маркировкой первого вагона. Затем перешёл к следующему.

Уголь.

Он лежал в открытых вагонах чёрными, слежавшимися глыбами. На некоторых сверху уже успела осесть грязь, а в щелях между досками набилась мокрая листва. Грушка наклонился к табличке на борту, смахнул пальцем налёт и разобрал дату отправки. Потом проверил номер состава, нашёл соответствующую запись в блокноте и ещё раз пересчи-

тал месяцы.

Четыре месяца.

Вагоны с углём были отправлены на завод четыре месяца назад. Позднее, после перебоев с поставками, груз наконец дошёл до Гутова. И с тех пор так и стоял здесь, неразгруженный. По документам никаких новых требований на топливо не поступало. А чугун продолжали выплавлять в прежнем объёме.

Он обошёл вагон и проверил маркировку с другой стороны. Ошибки не было. Номера совпадали.

— Эй, господин! Вы там что ищете?

Грушка обернулся.

В нескольких шагах от него стояли те двое. Первый смотрел настороженно, второй — с тем нехитрым любопытством, с каким обычно разглядывают незнакомца, взявшегося за дело, которое его, по мнению окружающих, никак не касается.

— Проверяю маркировку, — ответил Ян.

— Вы, стало быть, от Общества?

— Все так

— Тогда Вам бы к начальнику станции, господин инженер, — сказал человек с бляхой. — Кстати, это я. Веверка, начальник станции.

— Прекрасно. Тогда, полагаю, вы сможете объяснить вашу ситуацию с углем. Эти вагоны числятся отправленными на Гутовский завод четыре месяца назад. И они до сих пор не разгружены, почему?

Мужчины переглянулись. Тот, что был в полушубке, переступил с ноги на ногу и отвёл взгляд к путям.

Веверка поднёс фонарь ближе к табличке, посмотрел на номер вагона, затем на Грушку. Лицо у него было усталое, с глубокими складками у рта.

— Здесь не место разговаривать, — произнёс он наконец. — Пойдёмте-с в контору.

Они пересекли платформу и вошли в станционное здание. Человек в полушубке остался у путей. Внутри пахло сырой древесиной, угольной пылью и какими-то травами. На столе под зелёным абажуром лежали ведомости, а на стене висели часы с маятником, отмерявшие время с раздражающей обстоятельностью.

Веверка снял фуражку, повесил её на гвоздь и указал Грушке на стул.

— Итак, говорите, Вы-с приехали по поводу?..

— По поводу работы завода, — поправил Ян. — Точнее, по поводу того, как он умудряется работать без топлива. По накладным новых поставок угля не числится, но выплавка продолжается, не сокращая объёмы. По прогнозам, отправленное у вас должно было закончиться как три месяца назад, но оно и вовсе не разгружено.

Начальник открыл ящик стола, достал несколько сложенных листов, но вместо того, чтобы передать их Грушке, положил перед собой и прижал ладонью.

— Ночью вам там делать нечего, господин инженер. Сме-

на на заводе только ночная, а управление открывается только утром. Сейчас вы застанете одну смену. Разговаривать с вами никто не станет, да и искать нужного человека в такое время бесполезно.

— И где же мне прикажете ночевать?

— Лучше в городе.

— Шоссе налево, потом в слободу, там спросите. — Он помолчал. — До завода, конечно, ближе, но я вам так скажу: туда лучше утром. А я, пока вы там с ревизией, попробую выяснить, что можно сделать с отправкой. Пошлю запрос, подниму накладные...

— Четыре месяца назад — спросил Ян.

— Что?

— Речь о вчерашнем неразгруженном составе. Этим вагонам четыре месяца. Они стоят у вас на путях с углём.

Веверка потёр переносицу.

— Повторяетесь.

— Тогда давайте начнём с простого. Почему их не разгрузили?

— Не знаю.

— Кто отвечает за приём топлива на заводе?

— Заводское управление.

— Кто заказывает уголь?

— Тоже заводское управление.

— А кто подаёт вагоны на ветку? Кто отмечает разгрузку? Кто должен сообщить, что груз принят? Если состав задер-

жался, кто запрашивает новый? Вы ведь ведёте учёт отправлений.

Вопросы следовали один за другим, что Веверка поневоле поднял глаза. Грушка не повышал голоса и не пытался поймать его на противоречии. Он просто последовательно раскладывал комбинацию покера, рассчитывая, что в конце концов одна из них непременно выиграет, потому что у оппонента не будет более достойной комбинации.

— Послушайте, — сказал начальник станции. — За последние тридцать шесть дней к нам не поступило ни одного нового вагона с углём или коксом. Дрова были, четыре вагона за октябрь, но они предназначались для конторы. Это я вам могу подтвердить документами. А насчёт тех вагонов... — Он замолчал и посмотрел на лежавшие перед ним листы. — Ответить не могу, управление просто их не забрало.

Веверка тяжело выдохнул.

— Вы же сами сказали, что приехали проверить работу завода. Вот и проверяйте. Только не ночью. Поймите, я вам не отказываю в помощи, господин проверяющий. С бумагами мы разберёмся утром, они у меня не на руках. Я попробую связаться с отправителями, выяснить, не было ли повторной задержки, и подниму всё, что сохранилось в журналах.

— А это что за бумаги? — спросил Ян.

— Документы на огнеупор, — сказал Веверка. — Каждый месяц только отправляем огнеупор, глину и песок. И бумагу, господин инженер. Больше мы им ничего.

Грушка некоторое время молчал. Он смотрел на бумаги под ладонью Веверки, на старый телефон у стены, на часы с маятником. Потом снова раскрыл блокнот и сделал короткую запись: ""

Он мог отправиться в город. Выспаться в какой-нибудь захудалой гостинице, утром явиться в заводскую контору с чистой головой и изложить свои вопросы людям, которые, возможно, приготовят для него заранее согласованные ответы. Это было разумно. Наверное, именно так и следовало поступить.

Он закрыл блокнот.

— Ладно. Всё равно пойду до завода.

— Господин проверяющий...

— Я не собираюсь тревожить сменщиков без необходимости. Посмотрю, как устроен подъездной путь, где стоят вагоны и кто принимает грузы. Если ночью ничего не выясню, утром приду еще раз и потом уже к вам за документами.

Веверка лишь помедлил, словно хотел добавить что-то ещё, но передумал.

Грушка поднял саквояж и вышел на платформу. Красное зарево над лесом никуда не исчезло. Из-за деревьев всё так же доносился гул, ровный, низкий, почти звериный, — как будто там, за чёрной стеной стволов, работало нечто огромное и совершенно не нуждавшееся ни в угле, ни в объяснениях.

Он застегнул пальто, проверил, на месте ли блокнот, и на-

правился к заводской ветке.

До утра оставалось несколько часов. Что ж, пару часиков он вполне сможет подремать, если найдет где.

Шоссе было пустое, обсаженное с двух сторон ольхами, и шло вверх, в гору. Слева за деревьями тянулась железнодорожная ветка, по ней с интервалом в версту стояли семафоры, и все они были открыты, как на параде.

Шоссе было в наледи, обочины засыпаны снежной крупой, и за три версты он не встретил ни одной подводы. Пальто намокло ниже пояса ещё до поворота. Чемодан он нёс в правой руке и менял руку чаще, чем хотелось бы.

Слобода не показалась сразу: чёрные крыши в низине, копёр над шахтой, а дальше, за стеной, — четыре трубы, из них одна повыше, и над ней стоял красный, узкий свет-щель.

Через полверсты лес кончился, и открылась слобода: длинные казармы в два этажа, слякоть, лужи, в которых длинно дробился свет из редких окон. Кто-то шёл навстречу — трое, все в брезентовых куртках, все молча, и когда поравнялись, Ян увидел, что лица у них вымазаны сажей, а на рукаве одного — нашитая кожаная бляха с цифрой.

— На завод? — спросил он.

Средний остановился. Двое других прошли.

— Куда ж ещё, — сказал он. — На ночную.

Дорога обошла площадь и привела его к заводским воротам: две кирпичные опоры, между ними железная створка, а в опоре — калитка под фонарём.

Он дошёл до ворот и хотел было постучать, но рука у него остановилась на воздухе, потому что внутри, во дворе, звучал голос. Грушка прильнул ухом к воротам.

Фонарь горел. У калитки на табурете сидел сторож в тулупе, а на земле перед ним, на снежной крупе, был рассыпан хлеб — горсть ржанных крошек и хлебная корка, аккуратная, как из чистой печи.

За воротами, на табурете, у самого фонаря, сидел сторож. Он был стар так, что тулуп на нём сидел широко и пусто, как на огородном пугале. Шапку он держал в руке и не надевал, хотя было холодно, и он сидел без шапки до конца — пока голос в трубе не дошёл до какого-то имени, не споткнулся на нём и не умолк. Тогда сторож надел шапку и только после этого посмотрел на гостя.

Сторож поднял голову.

— Куда?

— Я проверяющий Грушка. Мне нужно в управление.

— Ночью? — Сторож не удивился, но он спрашивал так, как переспрашивают глухого. — Ночью, господин, смена заводская. Управление работает — днем.

— Ночью, — сказал он, — в цех не ходят.

— Я прислан Обществом, — сказал Ян. — Мне нужно видеть управляющего. Если его нет, я подожду в конторе.

— Управляющий спит. — Сторож мотнул головой в сторону длинного дома за воротами, где на втором этаже светилось одно окно. — И до семи не встанет, вы его не будите, у

него сердце. А в конторе замок.

Ян поставил чемодан на землю. Он поймал себя на желании сесть рядом со сторожем на табурет — просто сесть, не спрашивать ни о чём и дышать.

— Как вас звать? — спросил он.

— Прокоп. — Сторож подумал. — Прокоп Грубый.

— Господин Грубый, — сказал Ян. — Я не ревизор и не сыщик. Меня прислали считать. По накладным выходит, что завод получает топлива столько, что одна домна не прогорит и месяц, а выплавляет столько, что это не сходится ни с чем. Я инженер, я умею считать. Мне дали год и жалованье, и первый мой месяц пойдёт на то, чтобы понять, где ошибка в книгах.

Прокоп смотрел на него долго.

— В книгах, — повторил он. — Ну да. В книгах.

Тьфу ты, заладили: управление, днем, управление днем. Неужели и правда придется искать ночлег.

Из-за цеха, из-за того, дальнего, где из-под земли бил свет, донёсся звук: скрип, потом глухой удар, потом ещё один. И вслед за этим — голос. Он читал вслух, ровно и неторопливо, как читают по списку: «Августин Варна. Ян Гора. Матвей Слепых. Франк Мнишек...»

Голос шёл из трубы, что была ближе всех к нему, и в ней, под самым верхом, светилось что-то узкое, красное, как щель.

Сторож встал с табурета и снял шапку.

Он встал, взял с земли горсть хлебных крошек и ссыпал её в карман. Корку оставил лежать — у самой калитки, на приотпанной крупе, где её не тронули бы ни собаки, ни ветер.

— Смотрите, — сказал он и толкнул калитку. — Три шага от порога, дальше не пойдёте, там жарко.

Они пошли вдоль стены. Стена была кирпичная, обмётанная сверху железом, и в ней шли узкие окна, забранные решёткой; в каждом окне висел мутный рыжий свет.

— Это печи? — спросил Ян.

— Печи.

— Сколько их?

— Четыре.

— А тот голос откуда?

— Какой голос?, — сказал Прокоп. — Так, это домна гудит, господин проверяющий.

Ян придвинулся к решётке.

Внутри всё было оранжевым. Вдоль дальней стены стояли, наклонясь друг к другу чёрными спинами, четыре домны, и вокруг каждой ходили люди: одни с ломami, другие с лопатками, третьи с тележками; один — в кожаном фартуке, седой, — стоял у самой лётки и держал руку на цепном блоке. Дым ходил под потолком слоями, будто вода в затопленной яме, и в нём висели искры, роями, как мошкara над болотом. По полу текла вода, в ней отражался огонь, и выходило, что люди ходят по горячей реке.

На кожухе ближней домны, там, где обмуровка выходила

из железа, белой краской, крупно, поверх гари, было выведено:

****АВГУСТИН ВРАНА****

Выше, где пояс обвязки стягивал кожух, — другое, уже мелом и стёршееся:

****ЯН ГОРА****

Ян стоял и смотрел на своё имя. Первое, что он подумал, было: совпадение. Гора — фамилия частая, на его курсе в политехникуме было двое; в Обществе числился ещё один Гора, из земского отдела.

Второе, что он подумал, — он не стал додумывать.

— Это что? — спросил он.

— Метки, — сказал Прокоп. — Метки.

— Какие метки? Кто написал?

— Разные люди. Кто чертил, кто мелом. — Сторож отвернулся от окна. — Вы, господин, письмо-то с собой привезли?

Ян достал из-за пазухи сложенный вчетверо лист с бляхой Общества и печатью. Прокоп взял его двумя пальцами, поднёс к фонарю, посмотрел — и вернул.

— Печать хорошая, — сказал он. — Красивая.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего я не хочу. — Он пошёл было обратно, но у самых ворот остановился и спросил, кивнув на кирпич: — Вы кого-то из написанных узнаете?

— Нет.

— А он в Двенадцатой был. — Прокоп назвал ещё три фа-

мили. — И они все погибли: на Двенадцатой, на Глубокой, на Кривой... Это шахты наши, господин проверяющий. Вернее те, что затопило.

— Погодите, ведаётся мне на Двенадцатой был взрыв?

— Был, — согласился Прокоп. — Позапрошлой зимой. Тогда погибло десять человек.

— Их вытащили?

— Кого вытащили, кого нет.

Из цеха донёсся короткий, как выдох, свист, потом глухой стук, и вслед за ним низкий гул, от которого стекло в решётке задрожало и пошло мелко звенеть. В окне всё сместилось: люди побежали к лётке, кто-то крикнул, и по желобу, шипя, ползла из печи белая, слепящая струя — шлак. Он шёл, заворачивая, в ковш, брызгал по краям и дымился; рабочие стояли над ним, отвернувшись, закрывая лица войлочными рукавицами, а седой человек в фартуке поднял лом и резким движением прихлопнул край лётки.

Струя дрогнула. И на той ноте, на которой гудение обычно падает, оно поднялось — ровно и чисто, как поднимается голос у человека, который кончил говорить и запел. В этом голосе, длинно, на выдохе, прозвучало:

— ...Грушка...

Ян ещё смотрел в окно, когда понял, что рядом что-то изменилось. Сторож снял шапку.

Он стоял с непокрытой головой и держал её в руке, пока гул не ушёл в трубу и не стало тихо, — а уходил тот медлен-

но, не сразу, будто внутри железа кто-то отпускал его по частям.

— Что это было? — спросил Ян, когда стало можно говорить.

Прокоп посмотрел на него с жалостью, с какой смотрят на чужого, который вот-вот заплачет.

— Гул, — сказал он. — Гудит и гудит, это ж домна.

Прокоп надел шапку и поправил её обеими руками.

— Пойдёмте-с, господин. Покажу, где вам спать.

— А отчего вы шапку сняли? — спросил Ян, когда калитка закрылась за спиной.

Прокоп ответил не сразу. Он шёл рядом, мелким шагом, в своих валенках, и снежная крупа садилась ему на плечи, а он не стряхивал.

— Так хоронят же, — сказал он. — Шапку-то снимают.

— Кого хоронят?

— Так ж это, вспомнил о погибших в шахтах, надевать-то в таких случаях нелюбо.

Ян остановился.

— Господин Грубый. Он назвал мою фамилию. Я слышал.

— Вам почудилось с дороги, думается мне. Не сочтите за грубость.

— Может, и послышалось.

Они дошли до моста. Прокоп там остановился и дальше не пошёл — у него была своя верста до ворот.

— К панночке Вавровой ступайте, — сказал он. — Край-

ний дом, где ставни закрыты. У ней чисто. Скажите только, что от грубого.

— Спасибо, — сказал Ян. — Господин Грубый.

— Ну, — сказал сторож и махнул рукой. — Инженер.

Слобода ночью оказалась длиннее, чем днём. Ян шёл по грязи, увязая по каблук, и в каждом окне, мимо которого он проходил, свет стоял только в одном углу, а в остальных спали. Из-за казармы, из-за её глухой стены, доносился храп, детский плач и короткий женский голос, унимавший плач; кто-то колол дрова в темноте — тук, тук, потом звон отлетевшего полена. Копёр над шахтой стоял на горизонте, как колокольня без креста, и над ним тонко и печально скрипело железо.

Крайний дом у моста был каменный, вросший углом в берег; верхние ставни в нём были закрыты, а нижние нет. Ян постучал. Подождал, постучал ещё раз и услышал за дверью шаги — босые, по сеням, потом шорох и молчание.

— Кто? — спросила женщина.

— Я от госопдина Грубого, сказал, у вас можно переночевать. Я Ян Грушка — проверяющий, приехал из столицы, на завод. Больше идти некуда.

Молчание длилось долго, настолько, что он успел рассмотреть под дверью полоску света и решить, что уйдёт и ляжет под навесом. Потом лязгнул крюк, дверь отворилась на ширину ладони, и в щели показалось лицо — молодое, с си-невой под глазами, с платком, повязанным до самых бровей.

— Тридцатку, — отрезала она. — Вперёд.

Он дал ей монету. Она взяла, отступила, и он вошёл.

В первой комнате было тепло и прибрано, и это была та прибранность, от которой делается не легче: стол под клеёнкой, в углу икона, под иконой зажжена лампада, а на столе, у самой иконы, стояла вторая тарелка, накрытая перевёрнутой миской, и рядом лежала ложка. Он подумал, что тарелка пустая. Потом пригляделся. Хлеб в ней был початый, но свежий, и на краю — соль, насыпанная горкой.

— Наверх проходите, — сказала хозяйка. — Там не топлено, но есть два одеяла.

— Госпожа Ваврова, а как вас по имени звать?

— Божена. — Она затворяла дверь.

Она поднялась первой, держась за стену, и он увидел, как она идёт: тяжело, будто неся что-то невидимое на руках. Наверху была одна комната: кровать, стол, сундук и окно, забитое ставнем изнутри, так что стоял полумрак и держался запах сухой пыли и чего-то затхлого, старательного.

— Это чья? — спросил Ян.

— Мужа.

— Он дома?

Она стояла на пороге и смотрела вниз, на лестницу, а не на него.

— Работает. — Помолчала. — На смене сейчас.

Он не сразу понял, что она сказала, а, когда понял, не нашёл, что ответить. Он вспомнил тарелку, накрытую миской,

и вилку, положенную поверх, — как кладут за столом, из которого кто-то вышел и вернётся.

Он развернул тубус. Внутри, завёрнутые в дерюгу, лежали свёрнутые в трубку чертежи домны — не здешней: типовой, из политехникума, с расчётом кладки, — и несколько листов с накладными, которые он выписал в правлении Общества ещё в августе. Он разложил их на кровати, придавил углы чемоданом и часами и зажёг привезённую свечу.

Считал он долго и считал с удовольствием: цифры возвращали его на землю. Шихта: руда, флюс, топливо. Кокс — столбик; дрова — столбик; торф — прочерк. Выплавка — другой столбик. Он прошёлся по месяцам, сложил, пересчитал дважды, потом достал карандаш и посчитал ещё раз, с другого конца.

В июле завод выплавил чугуна на восемьдесят две тысячи марок. Топлива ему привезли на семнадцать.

Отложил карандаш. Он посмотрел на окно. Ставни были закрыты, но из щелей тянуло холодом. Ян сложил бумаги обратно в папку, задул свечу и лёг, не раздеваясь до конца. Засыпая, он вспомнил целые пломбы на угольных вагонах и подписи в станционной книге. Если ошибка была в заводских документах, он её найдёт. Если ошибка была в его расчётах — тем лучше. За то и платили инженеру: не верить впечатлениям, а проверять факты.

Ночью ему снилось, что он идёт между двумя рядами товарных вагонов. На каждом мелом выведено одно и то же

слово, но разобрать его не удаётся. Когда он просыпается, где-то внизу уже тихо звякает ложка.

Утром Божена разбудила его стуком в дверь.

— Вставайте, господин инженер. Скоро контора откроется.

Ян умылся холодной водой из кувшина, спустился в кухню и сел к столу. Божена поставила перед ним чугунок с кашей, хлеб и кружку тёплого молока. Он ел быстро, всё ещё думая о цифрах.

У второй тарелки вновь лежала ложка. На этот раз миска была сдвинута набок, и под ней виднелся ломоть хлеба. Он выглядел так, будто его отломили совсем недавно.

— Муж ваш не вернулся? — спросил Ян.

— Спит, — ответила Божена.

Он посмотрел на лестницу.

— Наверху?

— Нет. После смены всегда спит крепко, отсыпается. Не тревожьте его.

Ян хотел уточнить, где именно спит её муж, но Божена уже убирала со стола, и вид у неё был такой, что продолжать расспросы казалось невежливым. Он допил молоко, поблагодарил хозяйку и вышел.

Днём слобода выглядела не менее уныло, чем ночью. По грязной дороге тянулись рабочие, кто с пустой сумкой, кто с обмотанным тряпкой термосом, кто с деревянным ящиком для инструмента. Никто не разговаривал громко. Над кры-

шами казарм висел заводской дым, хотя ветер дул в сторону леса и должен был уносить его прочь.

У проходной Прокоп уже не сидел. Калитка была открыта, и у неё стояли двое рабочих с пропусками. Ян предъявил своё письмо с печатью Общества. Один из рабочих прочитал фамилию и молча пропустил его внутрь.

Управление помещалось в длинном кирпичном здании возле цехов. На первом этаже пахло мокрой шерстью, чернилами и горячим металлом. По коридору ходили служащие с папками, кто-то ругался из-за ведомости, за одной из дверей стучала пишущая машинка.

Такой порядок немного успокоил Яна. Здесь всё было знакомо: коридоры, конторские двери, столы, кипы документов. Даже гул домен казался отсюда обычным производственным шумом.

Управляющий принял его без долгого ожидания. Это был крупный мужчина с гладко выбритым лицом и короткой сединой у висков. Он внимательно осмотрел письмо, сверил печать и предложил Яну сесть.

— Вас предупреждали, что приедет проверяющий, — сказал он. — Только мы полагали, что вы будете здесь утром, а не ночью. Ну да ладно. Какие документы нужны?

— Книги прихода топлива, сведения о выплавке за последние четыре месяца и первичные ведомости по последним поставкам. Также мне нужны объяснения по грузам, которые числятся принятыми, но не разгружены.

Управляющий не стал спорить. Позвонил в соседнюю комнату, велел принести книги и распорядился подать чай. Через несколько минут перед Яном лежала стопка документов.

Он работал молча, сверяя записи со своими выписками. Номера вагонов совпадали. Даты отправки тоже. В книгах стояли подписи о приёме угля, хотя сами вагоны оставались на станционной ветке. После задержки поставок новых за-явок на кокс не было. Четыре вагона дров за октябрь чис-лились за конторой, как и говорил Веверка. А выплавка не уменьшалась.

— Объясните мне одну вещь, — сказал Ян, наконец под-няв голову. — На каком топливе работает завод?

— В бумагах все написано. Вы пока смотрите не все статьи прихода.

Управляющий развернул к нему другую книгу. Между расходными материалами и огнеупорами была отдельная строка:

Мука костяная — четыре тысячи пудов. Поставщик: сло-бода. Цена: три рубля за пуд.

Ян перечитал запись. Потом проверил соседние страни-цы. Та же статья повторялась из месяца в месяц, менялось лишь количество.

— Костяная мука, — произнёс он. — Это удобрение или добавка для производства?

— В обычном хозяйстве — что угодно. У нас это топливо.

— Костная мука не может покрыть такую разницу в тепловом балансе.

— Сама по себе — нет. Но вы ещё не учитываете способ засыпки и состав шихты.

Управляющий говорил спокойно. Он не пытался его запутать и не отводил взгляд. Это раздражало сильнее, чем любая грубая ложь.

Ян попросил расчёт плавки, удельный расход топлива и ведомость по костяной муке. Управляющий велел принести нужные бумаги. Они пересчитывали вместе, строка за строкой. Цифры сходились. Не идеально — как и на любом настоящем производстве, были потери, отклонения, неточности, — но в пределах допустимого. Если учитывать костяную муку как часть топлива, завод мог давать именно ту выплавку, что показывали отчёты.

Ян отложил карандаш.

— Откуда в слободе столько костяной муки?

Управляющий закрыл одну из книг.

— Вы приехали проверить производство. Оно перед вами. Вы проверяете, как расходуются материалы, — мы предоставили документы. Что касается происхождения местного сырья, это отдельный вопрос.

— Нет, это тот же вопрос. Четыре месяца назад прекратились заказы на уголь и кокс. Не разгружены составы, которые наконец добрались до станции. Зато в книгах появляется костяная мука в количествах, достаточных для поддержания

плавки. Что случилось четыре месяца назад?

Управляющий некоторое время молчал. В коридоре кто-то прошёл, стукнули каблуки, послышался смех и быстро оборвался.

— Тогда затопило Двенадцатую, — сказал он. — Шахту.

Ян вспомнил слова Прокопа и поднял глаза.

— Что там произошло?

— Вода прорвалась в нижние выработки. Десять человек оказались под завалом. Спасатели пытались пробиться, но штольню затянуло породой. Несколько дней слышали стук из-под земли. Потом перестали.

— Тела нашли?

— Позже. Воду откачали, часть выработок открыли. Всех десятиерых подняли наверх.

Управляющий провёл пальцем по краю книги, словно стирал с неё невидимую пыль.

— Их родственники хотели похоронить своих. Как и положено. На третий день вынесли гробы на кладбище, выкопали могилы. А ночью земля их вытолкнула. Гробы оказались снаружи, целые. Наутро их снова закопали — и к следующему рассвету всё повторилось. После этого в слободе перестали хоронить.

Ян молчал. Он хотел спросить, не было ли весеннего паводка, не просела ли почва, не могло ли случиться что-то с грунтовыми водами. Любая из этих причин объясняла бы отдельные факты. Но не объясняла бы человека, который про-

износит всё это в кабинете с бухгалтерскими книгами, не делая паузы даже перед словами о мёртвых.

— И что же вы стали делать с телами?

— То, что принято.

— Что именно принято?

Управляющий открыл другую книгу. Она была тоньше, с плотной серой обложкой. Внутри записи шли не по датам поставок, а по фамилиям. Рядом стояли числа, повторявшиеся из строки в строку: три рубля, три рубля, три рубля.

— В Гутове покойнику отводится сорок дней, — сказал управляющий. — Прежде его на третий день хоронили. Теперь земля не принимает. Значит, порядок приходится соблюдать иначе.

— Какой порядок?

— Первые три дня тело лежит дома. Его оплакивают, как и положено. Затем покойный отрабатывает тридцать шесть смен. А на сороковой день кости идут в засыпку.

Ян медленно посмотрел на него.

— Вы говорите о мёртвых так, будто это рабочие, у которых истёк срок договора.

— Они и были рабочими.

— Они погибли.

— Да.

— И после смерти работают?

Управляющий не ответил сразу. За окном, далеко за кирпичной стеной, протяжно загудела домна. В стекле задрожала

ло отражение лампы.

— Вы сами слышали гул, — сказал он. — Он произносит имена тех, кто назначен в смену. Когда имя названо, родственники знают, что пора готовиться. Каждый выход оплачивается семье. Три рубля за смену. Тридцать шесть смен — сто восемь рублей. Потом тело отправляют в засыпку. Кости перерабатывают, и они идут в плавку.

Ян не сводил глаз с книги.

— Значит, вот почему в ведомостях стоит мука костяная.

— Именно. В бухгалтерии мы учитываем материал, а не то, кем он был прежде.

— И всё это началось четыре месяца назад?

— Нет. Гораздо раньше. Четыре месяца назад просто затопило Двенадцатую. Десять человек сразу. У завода появилось сырьё на несколько месяцев, а у семей — заработок. Потребность в угле уменьшилась. Заказывать его было незачем.

Ян посмотрел на цифры. Три рубля за пуд. Четыре тысячи пудов. В графе «поставщик» — слобода. Ни одной ошибки, ни одной поддельной подписи. Завод не скрывал топливо. Он просто называл его иначе.

— А если родственники откажутся? — спросил Ян.

— От чего?

— От смен. Отдать покойного на завод.

Управляющий пожал плечами.

— Куда им его девать? Земля не принимает. Держать тело дома сорок дней нельзя. Да и семья должна на что-то жить.

— А сам покойный? Он согласен?

— Господин Грушка, — произнёс управляющий почти мягко, — когда человек умирает, от него остаётся не так много того, что можно попросить.

Эта фраза прозвучала настолько обычно, что Ян сперва даже не понял, чем она его задела. Он закрыл книгу, но руку с обложки не убрал.

— Я хотел бы увидеть расчёты по последней плавке и поговорить с тем, кто отвечает за засыпку.

— Расчёты я вам дам. А в цех сейчас не советую. Там идёт работа. Если вы желаете проверить печи, приходите завтра с мастером.

— Завтра, — повторил Ян.

Он собрал выписки, заверил у управляющего копии и аккуратно уложил всё в папку. Теперь у него было объяснение. Оно было чудовищным, но по крайней мере не противоречило документам. И всё же оставался вопрос, который не давал ему покоя.

— Если это обычай, почему мне никто не сказал об этом сразу?

Управляющий посмотрел на него с усталостью человека, которому надо объяснять приезжему то, что давно известно каждому местному.

— А вы бы поверили?

Ян не нашёлся с ответом.

— Вот и мы не знаем, что вам говорить.

К Божене Ян вернулся к вечеру. За лесом ещё держалось тусклое красное зарево, но в слободе уже зажигались окна. От заводской дороги тянуло сыростью и угольной пылью. На сапогах у Яна засохла чёрная грязь, а воротник пальто пропитался мелким дождём.

Божена сидела за столом и перебирала пуговицы. Крупные складывала в одну коробочку, мелкие — в другую. Услышав дверь, она смахнула всё в деревянную шкатулку и накрыла её ладонью.

— Ну что, господин Грушка? — спросила она. — Бумаги ваши много рассказали?

— Достаточно, чтобы задать новые вопросы.

— Значит, мало рассказали.

Она поднялась, сняла с печи чугунок и поставила на стол миску. От щей шёл пар. Следом легли ломоть хлеба и деревянная ложка. Божена достала вторую тарелку, поставила напротив Яна и накрыла её перевёрнутой миской.

Ян снял пальто, повесил его на спинку стула и сел. Некоторое время он смотрел, как хозяйка вытирает руки о передник.

— Ваш муж давно на заводе работал?

— С тех пор, как его взяли.

— А взяли давно?

— Ещё при старом управляющем. Тогда домна поменьше была. И людей в слободе меньше.

— Мне сегодня объяснили порядок с покойниками. Трид-

цать шесть смен, потом останки идут в засыпку.

Божена перестала вытирать руки.

— Стало быть, и это вам рассказали.

— Вы знали?

— Тут про такое дети знают, прежде чем таблицу умножения выучат.

Она села напротив и пододвинула к нему хлеб.

— Ешьте, пока горячее.

Ян взял ложку.

— Ваш муж уже отработывает эти смены?

— Муж мой на заводе.

— Божена, я спрашиваю не о том, где он сейчас.

— А я вам и отвечаю.

Она принялась собирать крошки со стола, сгребая их в ладонь. Ян попробовал щи. Они были густые, с мелкими кусочками картошки; на поверхности плавали капли жира. Он проглотил несколько ложек, прежде чем снова заговорить.

— Когда он умер?

Божена сложила крошки в тряпицу и отнесла к печи.

— Летом. В самую жару.

— На заводе?

— Домой пришёл. Сапоги у двери оставил, руки не помыл, хотя я ему сколько раз говорила: с завода идёшь — сперва вымойся. Сказал, спина болит. Прилёг на лавку, а я щи поставила. Думала, поест, тогда и ляжет как следует.

Она вернулась к столу, но садиться не стала.

— Утром будить его начала. Он не откликнулся. Я сперва решила, что притворяется. Он иногда так делал, когда не хотел вставать. Толкнула его в плечо — а он уже холодный.

Ян отложил ложку.

— Его похоронили?

— На третий день вынесли. Как полагается. Только к вечеру вернули.

— Кто вернул?

— Те, кто хоронил.

— Они сказали, почему?

— Земля не взяла.

Божена произнесла это без выражения и потянулась за хлебным ножом. На лезвии засохло тесто. Она поскребла его ногтем, стряхнула крошки на стол и положила нож рядом с доской.

— Яма была выкопана, гроб опущен, люди стояли, — продолжила она. — А потом пришлось всё обратно делать. С тех пор ям на старом кладбище больше не копают.

— И после этого его забрали на завод?

— Не сразу. Сначала он дома лежал. Потом пришли двое от управляющего. Принесли бумагу, велели расписаться. Я прочла, что там написано, — три рубля за смену, всего тридцать шесть. Спрашиваю: как же так, он ведь умер? А они говорят: порядок такой.

— Вы согласились?

Божена наконец села.

— А кто меня спрашивал, господин Грушка?

Она поправила край скатерти. Ткань сбилась у ножки стола, и она долго разглаживала её ладонью, хотя складка уже исчезла.

— У меня дети, дом, печь. Дрова сами себя не принесут. Есть надо каждый день, а не только пока муж живой. Они положили деньги на стол и сказали, что дальше будут платить за смены. Я взяла.

— Сколько смен он уже отработал?

— Двадцать восемь.

Ян вытащил из кармана блокнот. Перелистнул несколько страниц, нашёл расчёты и провёл ногтем по строчке.

— Значит, осталось восемь.

— Восемь.

— И после этого выплаты прекратятся.

— А вы как думали? — Божена посмотрела на него. — Ему же не вечно работать.

— Что будет потом?

Она взглянула на вторую тарелку.

— Кости перемелют. Смешают с рудой, отправят в домну. А деньги мне больше не положены.

Ян записал число, потом зачеркнул его и написал заново.

— И вы знаете, когда это случится?

— Когда смены кончатся.

— Вы каждый день считаете?

— Раньше считала. Теперь не каждый.

— Почему?

— Потому что от счёта их меньше не становится.

За окном прошли люди. Под ногами у них хлюпнула грязь, потом скрипнула калитка. Божена повернула голову к двери и прислушалась. Шаги удалились по улице.

— Он иногда приходит, — сказала она.

Ян поднял глаза.

— Ваш муж?

— После смены. Ночью.

— И вы его видите?

Божена не ответила сразу. Она взяла свою ложку, pokrутила её в пальцах и положила обратно.

— Сначала я думала, что мне снится. Дверь скрипнет, будто кто-то забыл прижать её к косяку. Потом сапоги у порога. Он всегда ставил их носками к стене, чтобы не мешали проходить. И лавка под ним скрипит.

— Вы слышите, как он ходит по дому?

— Слышу.

— А разговаривает?

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете, что это он?

Божена подняла на него глаза.

— Потому что я его узнала.

Она сказала это резко, почти сердито. Потом опустила взгляд и стала разглаживать передник на коленях.

— В первый раз я вышла к нему. Он сидел за столом. Ру-

ки положил так же, как при жизни, — одну возле тарелки, другую на колено. Я стояла у двери и смотрела. Он поднял голову.

— Что вы увидели?

— Мужа.

— Только мужа?

Божена сжала губы.

— А вы чего хотите от меня услышать? Что у него глаза были другие? Что он выглядел как покойник? Нет. Это был он. Его лицо, его руки, его рубаха. Даже пятно на рукаве, которое я всё собиралась вывести. Только я смотрела на него и не могла вспомнить, когда в последний раз он был тёплым.

Ян не записывал.

— Он что-нибудь сказал?

— Нет. Ложкой постучал по тарелке.

Божена посмотрела на вторую ложку, лежавшую возле перевернутой миски.

— Я подошла, а он уже исчез. На столе остались деньги. Три рубля. Потом так и повелось. Иногда слышу его, иногда нет. Денег он оставляет столько, сколько полагается за смену.

— А еду не трогает?

— Ни разу.

— Тогда зачем вы накрываете ему?

Божена посмотрела на Яна так, будто вопрос показался ей странным.

— А вдруг захочет?

Она сняла миску со второй тарелки, поправила хлеб и снова накрыла его. Край ломтя был цел, но на корке темнели несколько пятнышек, словно её касались мокрыми пальцами.

Ян посмотрел на них, но ничего не сказал.

— Вы не боитесь, когда он приходит?

— Боюсь.

Божена произнесла это так просто, что Ян не сразу понял ответ.

— Но всё равно оставляете ему ужин?

— А что мне ещё оставлять? Дверь запирать? Я запирала. Он всё равно приходил. Лампу зажигать? Зажигала. Потом неделю спать не могла. А однажды оставила всё как прежде — тарелку, ложку, хлеб. Он пришёл, постучал ложкой и ушёл. С тех пор так и делаю.

— Выходит, вы с ним всё ещё живёте.

— Нет, господин Грушка. Я живу в доме, где он жил.

Божена поднялась и убрала со стола пустой чугунок. Ян доел щи, но хлеб оставил нетронутым.

— Скажите, — произнёс он, — земля всегда отказывалась принимать мёртвых?

— Не знаю. Мать моя говорила, что когда она была девочкой, хоронили как все. Только я тех времён не помню. При мне уже случилось, что на третий день покойника вынимали из могилы. Потом стали вынимать всех. А после перестали копать вообще.

— А старое кладбище?

— Можете сходить. Кресты стоят, имена на камнях ещё читаются. Только под ними никого нет.

— Никто не пытался увезти покойников в другие места? Божена ополоснула миску и поставила её на полку.

— Пытались. На третий день возвращали.

— Кто?

— Этого я вам не скажу. Не потому, что знаю, а потому, что никто толком не знает. Один говорит, будто сам привёз тело обратно. Другой клянётся, что его покойник лежал в другом городе, а потом оказался дома. Третий говорит, что все они пьяные были и ничего не помнят. Только больше желающих проверять не нашлось.

Она вытерла руки и вернулась к столу.

— А гул? — спросил Ян. — Когда он начал называть имена?

Божена замерла с полотенцем в руках.

— Давно. Я ещё девчонкой была. Сперва называл тех, кто погиб в шахтах. Потом тех, кого уже привезли обратно. А после стали слышать имена людей, которые ещё ходили по улице.

— И никто не знает, почему он выбирает именно их?

— Управляющий говорит, что это заводские отметки. Прокоп говорит, что покойники сами себя называют. Священник раньше говорил, что нельзя слушать. Теперь он вообще не приходит к домне.

— А вы что думаете?

Божена повесила полотенце на гвоздь.

— Я думаю, что утром надо вставать, даже если ночью не спала. Детей кормить надо. Дрова рубить. Воду носить. А когда гул начинает читать — выходить на порог.

— Зачем?

— Все выходят.

— Но зачем?

Она посмотрела на него, и на миг в её лице проступила такая усталость, что Ян пожалел о вопросе.

— Потому что, когда он читает, нельзя сидеть за столом и делать вид, будто ничего не слышишь.

За стеной тихо скрипнула половица.

Божена повернула голову.

Ян тоже услышал звук. Оба замолчали и смотрели на стену, за которой находилась пустая комната. Скрип повторился — коротко, будто кто-то переступил с ноги на ногу.

Божена взяла чистую ложку и положила её возле второй тарелки.

— Он уже дома? — тихо спросил Ян.

— Нет, — ответила она. — Это дом садится. Старый он.

Она произнесла это слишком быстро. Потом пододвинула к Яну хлеб.

— Доедайте. А то завтра скажете, что я приезжих голодом морю.

Ян взял хлеб, но не откусил. Божена убрала со стола крош-

ки, поправила перевёрнутую миску и потушила лампу над печью. В комнате остался только тусклый свет из окна.

— Вы уедете, когда закончите проверку? — спросила она.

— Если выясню, что здесь происходит.

— А если не выясните?

Ян посмотрел на свой саквояж, стоявший возле двери.

— Тогда всё равно уеду.

— Вот и хорошо.

Она сказала это без облегчения и без надежды. Затем собрала посуду и ушла к печи.

Ян поднялся наверх. В комнате было холодно. Он разложил бумаги на столе, ещё раз сверил ведомость с собственными расчётами: десять шахтёров из затопленной Двенадцатой, тридцать шесть смен, три рубля за каждую. Цифры сходились. Подписи стояли на местах. Костяная мука значилась в расходах на топливо, будто речь шла о коксе или торфе.

Он закрыл папку и убрал её в тубус.

Из-за стены доносились домашние звуки: дверца шкафа тихо стукнула о косяк, что-то зашуршало, звякнула ложка. Потом шаги прошли по комнате и стихли.

Ян лёг, не раздеваясь, и натянул одеяло до подбородка. Некоторое время он слушал дом. За окном шуршал дождь, вода капала с крыши в деревянное корыто. Издалека тянуло заводским гулом, ровным и низким, как дыхание человека, который спит слишком глубоко.

Ян уже начал проваливаться в сон, когда звук изменился.

Сначала он решил, что ветер потянул по крыше. Но стекло в раме задрожало, а гул за лесом поднялся, словно огромные меха медленно набрали воздух.

Ян сел на кровати.

За чёрными деревьями вспыхнуло красное зарево.

Домна проснулась.

Издали донёсся голос. Он не был похож на человеческий, хотя каждое слово можно было разобрать. Голос произносил имена медленно, с короткими паузами, будто сверял список перед началом работы.

— Августин Врана.

За стеной скрипнула кровать. Кто-то прошёл по комнате, затем тихо открылась дверь.

— Матвей Слепых.

Ян встал и подошёл к окну. Он отодвинул ставню на толщину пальца. В слободе одно за другим загорались окна. Двери открывались, люди выходили на пороги: мужчины в рубахах, женщины в платках, старики, молодые рабочие. Никто не говорил. Все смотрели в сторону завода.

— Франк Мнишек.

У соседнего дома появилась женщина с распущенными волосами. Она вышла босиком на крыльцо и остановилась, не закрыв за собой двери. Мужчина рядом снял шапку. За ним сняли шапки ещё несколько человек. Жест переходил от одного к другому бесшумно, словно они делали это каждую ночь.

Ян вспомнил белые фамилии на кожухе домны. Теперь он понимал, почему их писали поверх гари, почему одни буквы были почти стёрты, а другие казались совсем свежими.

Это был список.

Голос продолжал читать, а люди стояли перед своими домами с непокрытыми головами. Никто не спрашивал, чья очередь. Никто не пытался вернуться в постель. Даже дети, которых взрослые держали за плечи, не плакали.

Ян спустился вниз, натянул пальто и вышел в сени.

Божена уже стояла у двери. На ней был тёмный платок, повязанный наспех, а в руке она держала чистую ложку. Заметив Яна, она убрала её в карман передника, отворила дверь и вышла на улицу.

Ян последовал за ней.

Они не обмолвились ни словом.

Над слободой стояло красное зарево, густое, словно масло на воде, а завод гудел так глубоко, что дрожь чувствовалась под ногами. Люди выходили из домов и останавливались у порогов. Мужчины снимали шапки, женщины укутывались в платки, старики опускали глаза. Никто не спрашивал, зачем их разбудили. Каждый знал, что ночью в слободе могло разбудить только одно.

Голос начал читать имена.

Ян стоял рядом с Боженой и смотрел в сторону завода. Она сложила руки перед собой, опустила голову и замерла. Не крестилась, не шевелила губами, не пыталась расслышать

каждое слово. Просто стояла с опущенной головой, как стоят у могилы, когда провожают покойника и уже нечего ему сказать.

Ян перевёл взгляд на остальных. Вдоль улицы, у калиток и на крыльцах, люди стояли так же — молча, с непокрытыми головами. В красном свете их лица казались серыми, а тени тянулись к домам, словно те пытались удержать своих хозяев.

Голос продолжал читать. После каждого имени наступала короткая пауза, и в ней слышались скрежет железа, удары металла и тяжёлое дыхание мехов.

Божена не подняла головы.

Ян тоже снял шапку.

Спустя время Божена вошла в дом и затворила за собой дверь.

Ян остался на улице ещё на несколько минут. Потом поднял воротник пальто и пошёл к берегу. За спиной постепенно стихали шаги, захлопывались ставни, гасли окна. Завод стоял над слободой тяжёлый, закопчённый, совершенно настоящий. Между трубами ещё мерцало красное зарево, а гул растворялся в скрежете железа, ударах и дыхании мехов.

Ян остановился на пригорке.

Он не знал, сколько простоял так. Когда начало сереть, на заводской дороге уже появились первые рабочие. Они шли с сумками и инструментами, опустив головы. Один нёс термос, другой — свёрток с хлебом. У ворот их встречал сто-

рож, и каждый проходил мимо него так, будто начинался самый обычный рабочий день.

Он стоял так, пока совсем не рассвело, затем надел шапку и повернул к станции.

Станция зовется Гутово-Товарная. Поезд по-прежнему стоит здесь ровно четыре минуты.

И ежели доведётся кому проезжать те края поздней ночью, когда лес чернеет по обе стороны дороги, а дорога — одна, та вечно мокрая и скользкая, что рельсы при тусклом свете даже блестят, а над слободой стоит красный, масляный свет — густой и тяжёлый — пусть не удивляется, если на станции его никто не встретит. Пусть не удивляется, если издалека донесётся глухой заводской гул. А если в гуле том послышится голос. И если голос позовет, пущай не отвечает. Ибо так было, так есть и так будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.